

Попал так попал или орки рулят 2

Игорь Гардер

18+

Игорь Гергардович Гардер

Попал так попал, или Орки рулят – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43711776

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы в боях часто видели смерть, И терялся в пожарах закат. И ревела в ночи горнов медь, И кто рядом в строю – тот нам брат. Вот закончился долгий наш бой, Расчехлила косу свою Смерть. Сотни братьев нашли здесь покой, Ложем стала гранитная твердь. Я хотел бы увидеть свой дом... На земле, на хозяйстве осесть... Но опять умирать мы идём, Легион наш в пути и в бою, Каждый первый в строю ветеран. Смерть жатву начинает свою, Тех, кто пал от бесчисленных ран. Стяг кровавый алей, чем рассвет, Враг вокруг, значит, наш вышел срок, Но пока легион наш идёт Через трупы друзей и врагов.

Пролог.

Я не хочу вспоминать подробности битвы, и что потом делали с нами эльфы, скажу лишь, что пацан с нашим флагом спасся. А вот мы не смогли прорваться, споткнулись об эльфийские легионы. Споткнулись, и больно ушибли себе лбы и другие части тела. Мне эти твари ломали все кости, а маги жизни поддерживали, не давая ускользнуть от боли и страданий за грань, что отделяла меня от темноты извечного покоя. А несчастного барона они на воротах живьём распяли. А вот нам так не повезло, нас раз за разом пытали, срезали кожу с рук и ног, и тут же приживляли её заново. И так день за днём, пока не доставили нас в лагерь смерти, из которого никто ни разу за всю его историю не сбегал.

Из нас сделают инкубаторы для боевых химер. Как по секрету сообщил наш мучитель, что в нас будут расти и развиваться личинки и что они будут нас поедать изнутри, а лучшие маги-целители эльфийского леса не дадут нам умереть, чтобы мы, так сказать, наслаждались каждой минутой адской боли. Ой, с каким бы я удовольствием вбил бы ему его зубы через пасть в задний проход. Эта ушастая тварь рассказывал в таких подробностях, чтобы мы все прониклись ситуацией, и с такой радостной ухмылкой, что вот эту ухмылку и хотелось стереть с его поганой рожи один раз и навсегда.

Глава 1. Собибор местного разлива

Как всегда, я встретил новый день, придя в себя, но новый день был для меня уже сам по себе странным и непривычным. Я оказался не связанным, но и не на свободе, а в клетке, в самой настоящей клетке, знаете – такие классические, с металлическими прутьями, в них ещё содержат диких зверей. Так вот, в одной из них и оказался я заперт. Вместо пола была металлическая решётка, а под ней полукруглое углубление с яйцами. С сотней яиц, что лежали ровными рядами, а саму клетку обрамлял полуметровый ров с водой. Эти яйца я успел пересчитать раз десять за те две недели, что провёл в клетке. Больше нечем была заняться, клетка стояла в пещере, куда попадал лишь тусклый свет из вентиляционных отверстий.

За время, проведённое в клетке, я окреп и немного оклемался после ежедневных пыток. Не, в первый день я хотел разбить себе голову об металлические решётки, но мне не хватило решимости. И я стал думать, долго и упорно анализировал всё, что со мной случилось, и как я себя вёл в последнее время. Во-первых, я себя проявил неправильно, я по привычке рассчитывал на свои физические способности, а не на магические. Но, как говорится, близкая смерть очень стимулирует умственную деятельность. Вот и моё серое вещество в черепной коробке задумалось, как спасти пя-

тую точку нашего общего организма. Знаете, и надумалотаки. Оно вдруг вспомнило, что я, оказывается, шаман, и могу оперировать духами. А раз моей мышечной массы не хватает сломать или раздвинуть прутья клетки, то надо призывать магические способности.

К сожалению, я не владею боевой магией, и не могу управлять огненной или другой стихией, что помогло бы мне в моём спасении, или хотя бы умереть, сражаясь, и не просто сражаясь, а убивая моих врагов. Я долго размышлял, благо, времени было – вагон и маленькая тележка. Мои охранники, что следили за тем, чтобы я нечаянно не умер, меня не беспокоили. Вот я и думал, как сделать бяку, и нашёл оригинальное решение. Я повторю обряд, что проводил с яйцами черепах. Я создам духа из этих яиц. Плохо, что этот дух не совсем боевой, зато испорчу кладку, что уже не так и плохо само по себе. Да и всё, что мне надо – это моя кровь, а она пока при мне.

Сказано-сделано, и я принялся за работу. Писать магические иероглифы я не мог, но зато мог кровью капать на пол, и с помощью этих капель наносить нужный мне рисунок подо мной. Точность попадания зависела не только от меня, но и от силы, вложенной в мою кровь, а силушку и кровушку я не экономил, и не боялся подорвать свое здоровье и душевное равновесие, мёртвым на всё это наплевать.

Мысленно перекрестившись, вспомнил все руны и загогулины, что я чертил собственной кровью под просмотром старого шамана. Это заклинание мне врезалось в память, да и трудно забыть такое художество, особенно, когда ты его творишь своей кровью. Так и я не забыл ни одной закорючки, что рунами зовутся. Вгоняя ногти себе в ладони, я вспарывал свою кожу, и, когда потекла кровь, начал творить магические действия. Ох, и натворю я сейчас. Но собака оказалось зарыта не в надёжности моей памяти, как я думал, а в объёме красной жидкости в моём организме. Как показала практика, её явно не так много, как мне бы хотелось.

Не закончил и половины своей задачи, когда у меня начало свистеть в ушах и появились круги перед глазами. Но помощь пришла откуда не ждал: большой красный кристалл над моей головой засветился, и в меня полился ярко красный поток, отчего мне стало легче. А охрана забегала вокруг клетки, возбуждённо вереща. Но мне до их телодвижений было фиолетово, я занят своей задачей. Я двигался, как сонная черепаха, с трудом шевеля конечностями. Но упрямство и упорство заставляли меня двигаться, и, упав на колени, я продолжал ползти по кругу, уже толком не соображая, что и как я делаю. Мной уже руководил не разум, а подсознание.

Мне казалось, что я уже пересекал кромку между жизнью

и смертью не один раз, но этот свет раз за разом возвращал меня в наш грешный мир. Всему рано или поздно приходит конец, так и мой труд был закончен благополучно, и я отключился с чувством выполненного долга, но с лёгкой вкусом горечи. Я так и не смог ускользнуть за грань, всё из-за этого артефакта и магов, что постоянно его подзаряжали. А вот приблизиться ко мне они явно не горели желанием.

Эльфийская охрана.

– Доложите, что здесь произошло!? – спросил эльф в золотых погонах.

– Уже четвёртая кладка погибает. Я вам докладывал, что сейчас не сезон, холодно для них. Личинки вылупляются, но они очень слабые от недостатка тепла, и даже добравшись до объекта, погибают. У объекта сильный магический защитный фон. Он все свои силы тратит на свою защиту, и с периодичностью пытается покончить жизнь самоубийством. С помощью магии пускает себе кровь, наши маги раз за разом заправляют артефакт силой. Вот если б было достаточно тепла, и личинки смогли сформироваться в оптимальных для них условиях. Ему ничто бы не помогло, а из него химера получилась бы сильной.

– Так обездвижить его, введите в сонное состояние, – раздражённо произнёс эльф в золотых погонах.

– Вы, наверное, забыли, для привлечения внимания ли-

чинок объект должен быть в сознании, и производить естественные движения, – терпеливо напомнил докладывающий эльф своему собеседнику.

– Так усыпите и привяжите к рукам и ногам верёвки. И дергая за них, вы заставите объект двигаться, – произнес старший с умным видом.

– Я осмелюсь вам напомнить, что движения должны быть естественными, плавными, а не дёргаными. У личинок плохое зрение, и они реагируют лишь на естественные движения, – терпеливо напомнил младший по рангу.

– Сколько всего осталось кладок? – невольно произнёс эльф в золотых погонах.

– Ещё шесть. Я почти уверен – если мы продолжим эксперимент с этим объектом, то мы потеряем все яйца, что у нас в наличии. А следующие кладки будут только через семь месяцев.

– Продолжайте. Я знаю, что вы считаете меня никчемным отпрыском моего благородного семейства. Может, отчасти вы и правы, я ничего не понимаю в ваших экспериментах. Мне ближе звон бокалов и блек магических сполохов. Но это решение не моё, и не мне его отменять. Я понимаю, что десяток химер лучше, чем ни одной, но мы будем делать так, как приказали старейшины.

– Приношу свои извинения, старейшинам действительно видней, что и как нам делать, – произнес со смирением в голосе закончивший доклад эльф и проводил взглядом вы-

скочку в золотых погонах, не разгибая спины. Потом обернулся к своим подчинённым. – Выполнять приказ, запитать руны магией, объект опять пытается окончить жизнь самоубийством.

– Может, ему ногти на руках поотрывать? Чтобы он не вскрывал раз за разом себе вены? – предложил один из магов.

– Я за, можешь и зубы заодно ему выбить. Но делать будешь это сам, – легко согласился его начальник.

– Вы думаете, что в клетке могла затаиться одна из личинок? – произнёс другой маг, делая произвольный шаг назад от клетки.

– Может да, а может и нет. Я лично не собираюсь собой рисковать, и не пошлю ни одного сына леса туда.

Барак

Очередное пробуждение принесло новый сюрприз: я уже не в клетке, а в совсем другом помещении, в крошечной тьме. Первым делом я осмотрел и ощупал себя на наличие несанкционированных отверстий в организме, заодно выискивая подозрительные уплотнения или вздутия. Сколько я ни искал, так и не нашёл следов проникновения в свой организм личинок химер. Если исходить из того, что яйца были размером с куриное, то они могли проникнуть в мой организм через два естественных отверстия. Понятно, что не

сами яйца, а их обитатели.

– Можешь смело убрать руки от задницы. Ты оказались несъедобным. Я видел тех, в кого вселились личинки, у них пустой взгляд и они двигаются словно деревянные куклы. А ты вон как бодро себя ощупывал.

– А где мы? – спросил я моего сокамерника, я узнал его голос, мы вместе пытались прорваться из замка.

– В бараке, завтра на рассвете нас распнут на крестах. Меня и тебя за то, что не стали инкубаторами для личинок. А может, и бросят живьём в клетку к химерам, кто его знает.

– Мне больше нравится вариант с химерами, – произнес я, разглядывая помещение, в котором я оказался. В полумраке я разглядел лишь ряды лежаков, что располагались в три ряда и терялись в темноте.

– А позвольте узнать, чем обоснован ваш выбор? – раздался заинтересованный голос откуда-то слева.

– Ну, хочу умереть сражаясь, а в идеале – убив ещё кого-нибудь.

– Я тебе говорил, что длинноухие нашего орка не сломали. Кишка у них тонка.

– Я сам слышал, как он кричал и умолял чтобы прекратили пытки, – не согласился его собеседник.

– Это, брат, была военная хитрость, я тебе говорил, что, когда к нему приблизился один из эльфов, он ему нос откусил. А ты: выдумки, выдумки, – произнес третий голос.

– Как ты мог это видеть, ты со мной рядом шёл, закованный в цепи, – не унимался второй голос.

– Всё, всем спать, а то охрана услышит и всем нам тогда несдобровать. Я сам лично укажу на нарушителей тишины, не собираюсь из-за вас огребать.

И наступила мёртвая тишина, все замолчали. Я тоже уснул сном младенца, а чего мне бояться, я уже не раз умирал и ожидание смерти для меня в последнее время стало каждодневной реальностью. А вот утром моего соседа, и ещё десятков людей с ним за компанию, распяли – они отказывались работать или имели другие провинности. Предварительно их отдали палачу, он над каждым измывался не один час. А нас всех заставляли на это смотреть.

Затем отправили вместе со всеми в карьер, добывать камень, а распятие отложили на неопределенное время. В течение почти месяца, что я провёл в этом лагере, каждый день кого-нибудь пытали или зверски убивали. Вокруг была атмосфера всеобщего уныния и обречённости. Все понимали, что мы обречены стать либо инкубаторами, либо, в качестве альтернативы, кормом для химер. Поэтому нас голодом не морили, но и разносолами не баловали. А вот за малейшую провинность каждый из нас мог попасть в руки к палачу, а потом в кормушку для химер. Но несмотря на то что каждый день убивали, нас не становилось меньше. Периодиче-

ски пригоняли как военнопленных, так и простых крестьян.

Вокруг меня сам собой организовался кружок из тех, кто участвовал в обороне крепости. То есть, из тех, кто дожил до сего момента, нас было чуть больше двух десятков. Кстати, я был единственным орком в этом лагере, всех остальных увезли в ближайший город, а вот зачем и что с ними там стало – никто не знал. А я смотрел и думал, как сбежать из места, где царит страх и уныние, да обречённость в окружающих меня взглядах. Сбежать куда глаза глядят. И не видел ни одного варианта.

Народ периодически пытался бежать, как в одиночку, так и группами. Но никто из них не смог уйти, несмотря на все ухищрения. Максимум, что удавалось – выбраться за территорию, а вот дальше шла ровная и открытая, как стол, местность на два дня пути в любую сторону. Лишая возможности скрыться или спрятаться от преследователей. Все, кто бежал, оказывались в руках палача, но многим даже не удавалось начать свой побег. Как кто-либо приступал к подготовке, его сдавали стукачи, коих было ну очень много на каждый барак, и это они следили за порядком и соблюдением местных правил. Да и охрану между бараками осуществляли не длиннорукие, а ренегаты, что переметнулись на сторону к ушастым в надежде на то, что их пощадят.

– Что будем делать? Сколько можно ждать? Я предлагаю завтра на рассвете напасть на охрану. Сдохнем хоть как войны, не в руках палача. – с нетерпением прошептал молодой.

– Не спешу умирать. – произнёс я, подняв взгляд в небо.

– О, орк заговорил. Говори, что придумал? Когда и как будем бежать? – раздались несколько шепотов.

– Не дергайтесь, у нас привал. Сидите спокойно, не привлекайте внимание стукачей, – одернул один из стариков молодого.

– А как будем бежать, по одному или группами? Может, все вместе побежим сразу в разные стороны, кто-нибудь да убежит, – в нетерпении стал он сыпать вариантами побега, не обращая внимания на предупреждения.

– Делали так, не сработало, – остудил его сосед справа.

– А как тогда бежать? По одному не сработает, по двое не сработает, веером не сработает. Что предлагаете, умереть? Как баранам умереть? – начал он закипать.

– А ну, не кипятись, – произнёс я с усмешкой. – Да и зачем умирать, когда нужно убивать, – произнёс я с умным видом.

– Не понял? – произнёс он, в миг успокоившись – Не, я понял, что надо убивать, но как не умирать? Их больше в разы, чем нас, и у них оружие. Тут без вариантов придётся умереть, сражаясь, но умереть. Как воины умереть.

– Ну, почти правильно сказал, но в одном ты ошибся. По-

думай до вечера, в чём. Думать всем полезно, от этого умнеют, – произнёс я, вставая и берясь за кирку.

И с сегодняшнего дня начались кардинальные перемены в нашей жизни. Первым делом я попросил всех своих бойцов сегодня же ночью рассредоточиться по баракам и постарается вычислить всех стукачей и лидеров, что сплотили вокруг себя людей. А также время и численность патрулей ренегатов. Мы почти две недели не виделись и не встречались, дабы не вызвать ненужных подозрений. А я занялся магической подготовкой. Местные маги посчитали – если лишить шамана его духов, то он становится беззубой собакой, что может лишь брехать. Ага, я может и беззубый, но не безобидный.

Они круто просчитались, что перед тем, как посадить меня в барак, не проверили на наличие духов. А духи у меня есть, и их десяток. Правда, не боевых, что могут убивать и калечить, а паразитов. Да, оказывается есть и такие духи-паразиты, да и что стоило ожидать от беззубого шамана, кроме паразитов. Но мои подопечные – это вам не глисты и не острицы там всякие, а духи личинок химер. Так что потанцуем ещё мы на ваших могилках.

Глава 2. Восстание орочьего Спартака
прода 02.12. .2018

Пока мои люди рассредоточились по баракам и вели наблюдения, я в свободное время медитировал, старательно собирая магическую энергию. А за полночь проскальзывал между патрулями к вольеру с химерами. Там я отдавал всю накопленную за день энергию духам-личинкам. Они поселились во взрослых химерах, и сейчас медленно, но верно росли в них, постепенно захватывая сознание и волю своих носителей. Самих химер я не видел, а только чувствовал их наличие за стенами вольера.

Так шел день за днём, неделя за неделей и даже месяц за месяцем. Мои спутники искренне не понимали, чего я медлю и жду, и куда исчезаю каждую ночь. А я ждал созревания личинок, они пока могли лишь на мгновение влиять на желания самих химер. Но духи постепенно набирали силу и с каждым днём постепенно захватывали тела и сущности химер. Мне нужно было время, а его катастрофически не хватало, и это ещё удача, что никого из моих людей не забрали в руки палача. Но всем было понятно, что такое везение не могло продолжаться вечно.

И вот настал день, когда одному из старых гвардейцев не повезло попался, что называется, на горячем: он удавил очередного стукача и его увели с побледневшим лицом. Мы все знали, что с ним случится на рассвете следующего дня, как впрочем и он сам. Мы почти каждое утро наблюдали сцены,

где нашего брата отдавали в руки истязателя и он демонстрировал нам своё искусство. Когда товарища уводили, никто не смотрел в глаза седому ветерану, я же не стал прятать взгляд. А когда наши взгляды встретились, я, повинувшись внутреннему порыву, отдал честь. Громко ударив себя правой рукой в грудь, издал гортанный звук, а затем затянул песню. На меня тут же набросилось трое и стали избивать дубинками, а я так и стоял, прижав руку к руди, под градом ударов.

*Когда приближается смерть,
Очень трудно не быть малодушным,
Но у тебя не дрогнул нерв,
Сомненья любые тебе чужды.*

*Враг решил, что это финал?
Ну, какой же он всё-таки глупый.
Я уже вижу его злобный оскал,
Сейчас он узнает, как умирает русский.*

*Даже если небо накрыло огнём,
Выбор мой сделан – я остаюсь.
И пусть в обойме последний патрон -
Я умираю, но не сдаюсь.*

*Кто-то захочет сказать,
Что я выполнил свой долг.*

*И только мама будет знать,
Что по-другому я не мог.*

*Мне не страшно остаться в бою
Врагом окруженным.
Где стою, там и паду,
Но останусь непобежденным.*

После этих слов я выкинул руки в стороны, схватил двоих за горло и стал душить, а третий попятился, испуганно глядя на меня. Его больше всего испугал резкий переход от пассивного стояния к активным действиям.

*Даже если небо накрыло огнём,
Выбор мой сделан – я остаюсь.
И пусть в обойме последний патрон -
Я умираю, но не сдаюсь.*

*Будет ярким новый рассвет
И подует свободы ветер.
Меня больше нет,
Но подвиг мой вечен.*

*И по силам сделать одному,
Что казалось невозможным.
И будет страшно узнать врагу,*

Что нас таких – миллионы.

*Даже если небо накрыло огнём,
Выбор мой сделан – я остаюсь.
И пусть в обойме последний патрон -
Я умираю, но не сдаюсь.*

(слегка изменённый текст песни Артёма Гришанова)

С последними словами я разжал пальцы, и двое прихвостней упали мертвыми куклами.

– Пока жив хоть один легионер, Империя не пала! За империю! За Мать! За отца! За брата и сестру! Смерть! Смерть! Смерть! – стал я скандировать.

– Смерть! Смерть! Смерть! – стали раздаваться голоса, набирая обороты, и всех стукачей сразу начали забивать, кто чем и как мог.

А в глазах людей стал зарождаться огонь ненависти, что готов был поглотить любого, кто встанет у них на пути. Да и смерть каждому из нас уже стала приятельницей и постепенно перестала пугать. Каждый понимал, что всех нас ждал один конец.

– Орк, веди нас на прорыв к свободе. Умрём в чистом поле, а не среди этих душных стен! – произнёс старый ветеран.

– Я не собираюсь умирать. Я ещё молод и хочу умереть от старости в своей постели, окруженный внуками, а в идеале и правнуками, – спокойно произнёс я, поднимая одну из дубин с пола и поигрывая ей. А за стенами стали тревожно бить колокола.

– Я не понял, что нам делать? – растерянно произнёс совсем юный пацан.

– Как что? Убить всех, кто не даёт нам спокойно дожить до старости! – произнёс я спокойно, кидая ему в руки дубину.

– Действительно, чего проще! Перебить две сотни эльфов, и хрен его знает сколько жаполизов, – усмехнулся стоявший рядом человек, что растерянно крутил палку.

– А кто сказал, что свобода любит слабых? Свобода одаряет своей любовью лишь сильных. Душой сильных людей. Если тебя не сломили, пусть ты даже умрёшь в оковах – ты всё равно свободен.

– А, к чёрту эти заумные речи! Смерть! Смерть идёт, и она сейчас простёрла над нами свою кровавую длань. Я устал жить как шакал и всего боятся, я иду убивать, и даже если я умру, то я умру свободным северным волком! Смерть! Смерть! – и разорвав на себе одежду, провёл кровавой ладонью по лицу. – Морская владычица, прими кровавую дань! – и, макнув пальцами в рану с ещё не запекшейся кровью одного из стукачей, провёл пальцами по груди, изображая волны.

– Отдай приказ вождь, и потомок морской девы его вы-

полнит, меня может оставить лишь смерть, – произнес он, вставая на одно колено.

– У меня на родине говорят: “умри, но выполни приказ”. То есть, настоящего героя не остановит даже смерть. Так что нам есть на кого равняться. А сейчас там нас ждут те, кто должен умереть, чтобы мы жили.

Как я не люблю громкие слова и напыщенные речи, но всё это часть моей новой жизни, и от неё никуда не деться. А ещё моими постоянными спутниками стала смерть с косой. Всем попаданцам в спутники даётся стандартный набор из жабы и хомяка, а в довесок к ним гаремчик девушек всех цветов и расцветок, а мне вот в спутники костлявая. А, не жили счастливо, нечего и мечтать, а сейчас пора показать силушку орочью, да так, чтобы развернулась рука и полетела чья-нибудь голова, да с чужих плеч.

Выскочив вслед за всеми из барака, я увидел, как стихийное восстание начинало набирать обороты. Везде были крики, стоны и просьбы о пощаде и помощи. Это народный гнев добрался до людей, что знали на ять форму доклада. Да и стражником досталось на орехи, тем, что не успели убраться подальше.

Эльфы, к сожалению, не дремали, и сейчас спешно занимали места на стенах по периметру. Но и наши братиш-

ки-смертнички не собирались изображать из себя ростовые мишени. У многих был опыт боевых действий. Вот эти ветераны сейчас и командовали небольшими отрядами заключенных, и уже штурмовали стены, местами даже сошлись в рукопашной с длинноногими и буквально зубами проводили купирование остроконечных ушек.

Напомнил себе в очередной раз, что путь силы – не совсем мой путь, и что я, чёрт возьми, шаман, а это должно звучать гордо и страшно для врагов моих. А сейчас, если они и дрожат, то лишь от смеха. Буквально заставил себя выпрямиться, и гордой спокойной походкой направился к вольеру с хи-мерами. Надо же посмотреть, что за твари там обитают.

В тоже время, в офицерском блокгаузе

– Господин...

– Давай без титулов и спокойно, – прервал эльф в золотых эполетах, сидевший с бокалом вина.

– Заключенные подняли бунт и перебили часть гарнизона. Сейчас они пытаются отбить стену, что огораживает бораки.

– Ну наконец-то, это быдло решилось на восстание. Я, если честно, уже перестал надеяться, – и отставив бокал, он резкими движениями одернул свою форму, приводя её в безукоризненный порядок. – На стенах оставить людишек, их не жалко. А первородных отвести на внешние стены и пригото-

виться. Отстреливать лишь особо рьяных, что будет пытаться прорваться через внешнюю стену. Да, и передай магам, пусть выпускают химер. Посмотрим, как они себя покажут в бою, – и надел самую натуральную треуголку на голову, а в руки взял трость. – Прошу вас, офицеры, пройдемте на дозорную башню, посмотрим, насколько хороши химеры.

– Да на что там смотреть? Как ваши монстры расправляются с безоружной толпой?

– Не совсем, там заранее размещён склад с копьями и мечами. Щиты и защитное снаряжение мы не стали там размещать, для удобства отстрела тех, кто не захочет сражаться. Да, и проследите, чтобы каждый солдат знал, что орк нужен живым.

– А зачем он вам? Насколько я понял, вы специально его там поселили, чтобы он поднял восстание, так?

– Да мой друг, вы правы. Но ему ещё предстоит стать инкубатором, – с усмешкой произнёс эльф, и вышел из комнаты.

– Летгар Гаргор! – окликнул меня ветеран – Я собрал людей, Мы ждём вашего приказа, – произнес он, вытянувшись.

– А откуда оружие, копья, да ещё в таком количестве? – удивлённо спросил я, разглядывая их.

– Да в казарме, где эльфийские прихвостни обитали, ну те, что нас охраняли. Их набирали из местных, предателей

рода человеческого.

– Ага, этих ублюдков надо было в младенчестве мамкам удавить, дабы не изводили людей лютой смертью, – поддакнул кто-то из первых рядов.

– Команды лаять не было! – рявкнул седой ветеран. – Где строй? Я вас спрашиваю, мы стадо или что, мать вашу богу в душу! – После его отчитывания народ принял подобие божьего строя.

– А! – и махнул на них рукой. – Так вот, там этого добра явно было с избытком. И сей факт мне не нравится, не пойму почему, но не нравится. Не проста всё это. Длинноухие, конечно, не гномы, с ними по жадности не сравнятся, но эльфы не были замечены в раскидывании денег, а любое железо сколько-то монет стоит. А металл на копьях не дрянь, средней паршивости, – произнес ветеран, почёсывая шевелюру.

– И мне кажется, что не всё ладно в королевстве Датском...

– Монстры, они выпустили из загонов монстров. Спасайся кто может... – стали раздаваться панические крики со всех сторон.

– Фалангу становись! Три линии мне, как минимум, собрали! Помним: пока в строю – мы легион, а как побежали – стали мясом! – рявкнул ветеран на слегка растерявшихся недавних узников. – Ровней, я сказал, линия должна быть прямой, а не как бык поссал, – выравнивал он народ. Там

стояли вперемешку как пленные легионеры, так и крестьяне оторванные от сохи.

– Господин Летгард, вам бы занять место в глубине строя, – обратился он ко мне.

– Не, мы атакуем. Как говорил один из великих полководцев: “Нет страшнее зверя, чем идущий в атаку солдат”. В штыки их брать будем. Пусть они нас боятся больше, чем мы их. – И, перекрестившись, пошёл на шум. Если мы останемся стоять, то просто от страха сдохнем, а так не будет времени бояться.

– Эх, налей-ка мне Смертушка, да красна вина, – начал я на ходу импровизировать. – Красна вина, да не того вина, что в бочках плещется, а того что в жилах плещется. Помним, что воинами не рождаются, воинами умирают. – Ну и хрен с ним, что невпопад.

Я пошёл первым, за мной ветеран, а за ним кривым уступом шагали все остальные. Увидя химер, я немного остолбенел, и было от чего: передо мной предстало чудо-юдо, неведома зверушка. А, не, как всегда вру, на зверушку это не похоже. Это что-то с чем-то, представьте гигантского мутировавшего таракана. Это существо чем-то походило на арахнидов из фильма «Звездный десант», только там не было у них хвоста. Да и гребень от макушки до хвоста – я не помню, чтобы был такой у них.

Так вот, эти твари прямо на глазах разрывали тех несчастных, кто попадал к ним в лапы. Нигде от них не было спасения: одна группа что плотно стояла спинами друг к другу и оцетинилась копьями во все стороны света. Так вот, химера разметала их, как шар кегли в кегельбане, и, схватив одного за руку, а двум другим пробив ноги своими заостренными ногощупальцами, потащила в сторону вольера.

Я сразу почувствовал моих духов-паразитов, и постарался призвать к себе ближайшего. Ага, призвал на свою голову – на нас, громко зашипев, причём именно зашипев, устремилось одно из этих существ. Я чувствовал приближение духа и ощущал, как он пытается бороться со своим носителем, но потуги паразита были безрезультатны. Хотя не совсем, дерганые движения таракана давали понять, что с ним не всё в порядке. Одна из ног ступала невпопад, да и передняя правая ногощупальца мелькала всё время вверх и вниз, мешая передней ноге нормально двигаться.

Так вот, этот таракан, страдающий эпилепсией, устремился к нам со всей доступной ему скоростью. Но одно хорошо, что интеллект, как и тело, у него тараканий, он не понимал, что у него проблемы с координацией, а может на его умственные способности уже влиял паразит. Почти добежал до нас и издал угрожающее шипение, а затем с ним случился конфуз. Наш таракан запутался в собственных ногах и мордой пропахал немаленькую такую борозду.

– Навались, копытами прижать его к земле. И добиваем, пока не очухался! – крикнул ветеран – А вы куда уроды? Я вам сказал орка прикрывать. – гаркнул он на тех кто стоял рядом со мной.

– А шаман наш, матерый зверь ещё, таких монстров взглядом сбивает, – услышал я у себя за спиной уважительное пе-

решёптывание.

Ага, до такой степени матёрый – штаны сухие лишь потому, что в горле всё пересохло, и в организме просто лишней влаги нет. Народ буквально облепил химеру, не давая ей пошевелиться, на одну голову только впятером навалились.

– Народ, стой-ка! – остановил я их, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Топор! – властно сказал я, – и переверните его брюхом кверху.

– Что замерли и тарачимся? Шаман сказал, воин сделал. Если мы чего-то не понимаем, это говорит о нашем дебилизме. – рывкнул ветрена на опешивших людей.

– Действительно, наш летгард, это вам не офицеришка, у которого ни ума, ни фантазии. Навались!

– Лапы держи! Держите лапы! – Дальше шёл неперево­димый местный фольклор, где уточнялась вся родовая цепочка и сексуальные пристрастия каждого, включая химеру.

Когда таракан, он же арахнид, он же эльфийская боевая химера, оказался лежать белым брюхом кверху, я перехватил поудобнее топор палача в одну руку. А другой стал ощупывать брюхо, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Когда я почувствовал магическую пульсацию в одном месте, я также услышал со стороны призыв ещё одного духа и встревоженные крики людей. Повернув голову, я увидел,

как к нам ползёт ещё один арахнид.

– Все кто свободен! Остановить таракана, но не убивать и не калечить! – рявкнул ветеран.

– Мать мая женщина! Что творится? Я если в таверне где за кружкой пива где расскажу, что мы вшестером должны были остановить монстра размером с хорошего коня, и при этом не покалечить бедную скотину, мне в жизни не поверят.

– Если мы окажемся в той таверне, я подтверждаю твои слова, и ещё за выпивку заплачу.

– Мужики я с вами. Но предупреждаю я намерен напиться в усмерть.

– А мне всё равно поверят, не поверят. Я знаю, что было, а чего не было. И за себя я сам заплачу, – прогудел толстяк, становясь напротив монстра.

– Народ, а вас не смущает, что нас сегодня убивать будут? – с ехидством в голосе спросил седой старик, вставая в линию.

– А что тут такого? – удивлённо произнёс толстяк – Убивать нас будут сегодня, а пить мы собираемся потом. Я не понимаю, что тут непонятного.

– Действительно, как я не сообразил: нас сегодня убьют, а мы завтра в таверне гуляем. Я предлагаю в столичном кабаке встретится, – с издевкой произнес он.

– Ты что дурак? Нам никак за день не добраться до столицы, – снисходительно пояснил толстяк.

– Нет, его беспокоит, что мы за день не успеем добраться,

но всё остальное не смущает.

– Ладно старик, держись рядом со мной, я тебе потом всё объясню, – покровительственным тоном произнёс толстяк.

– Ты? Мне? – не на шутку удивился старик – Хотя, если выживем, готов признать себя полным дураком, а тебя гением мысли, – с улыбкой произнёс он.

– Не зеваем! Он подползает! – предупредил сосед слева.

А я их слушал, а сам занимался своим делом. Нащупав место, где обосновался мой дух-поразит, я аккуратно проломил хитиновый панцирь, благо, с одной стороны на топоре палача был длинный и тонкий шип. Без него я замучился бы проламывать хитин, а так – пробил несколько отверстий по кругу и сделал большую дыру.

Когда я получил отверстие в панцире, пришлось руку запускать под него. Преодолею брезгливость и тошнотворный запах, что источало нутро таракана. Рука вошла по локоть, прежде чем я нащупал круглый предмет, который так и манил, и звал меня. Вырвал его из тела монстра, с последним хрипом арахнида. Я постарался призвать духа, как делал много раз с «Мудрым Ка», дух явился. И, скажу, он от арахнида отличался только тем, что у него не было ног, но это ему нисколько не мешало держаться над землёй.

– А вот и первый малыш родился! – прокомментировал я его появление.

– Если это малыш, то боюсь представить его мамочку, – буркнул ветеран.

– С мамой я, к счастью, не был знаком, а вот на яйцах её пришлось посидеть, как квочке. Ну, и немного пошаманил, а результат вы видите.

– Я всегда подозревал, что из орков плохие няньки получают, но я даже не предполагал, что настолько, – с улыбкой произнес ветеран.

– А я что, я ничего. Они сами меня посадили, сами пусть и огребают, – с улыбкой ответил я.

– Если вы наговорились, то, может, обратите на нас внимание. Мы вроде как ещё одного монстра держим? А он почему-то хочет нас съесть, и, я думаю, он вами тоже не побрезгует, – окликнули нас.

– Отпустите его, сейчас дух поможет собрату вырваться на свободу, – и отдал ментальный приказ духу.

Дух, что стал полупрозрачной серой дымкой, устремился к цели, по дороге сбив людей с ног. Пришлось за него извиниться, дескать, он только-только родился, ещё не особо понимает, что делает. Дух прислонился к таракану, что из последних сил сопротивлялся поглощению сущности, и полностью обволок его, скрывая от наших глаз всё происходящее.

– А с этими тремя что делать? – окликнули сбоку.

– А этих не пускать к нашему таракану и духу, ну, и заодно не давать себя съесть, – произнес я, взглянув на трёх

арахнидов, что недобро так на нас смотрели.

А дальше открылся филиал ада и дурдома в одном отдельном лагере смертников. В сплошном замесе смешались арахниды, духи, люди. Все друг друга били, колотили и калечили. Но постепенно мы одерживали верх, платя за одного арахнида минимум десятком человеческих жизней. И это при том, что на нашей стороне сейчас три арахнида, полностью контролируемые духами-паразитами и рядом еще семеро духов крутятся. Хотя, стоит отметить, что наши арахниды явно страдают болезнью опорно-двигательного аппарата. Движения у них дёрганные и какие-то заторможенные, в отличие от тех, что хотят нас схарчить. Единственно, кто в действительности мог сказать своё веское «МЯУ» – это духи, вот они-то молодцы: втроём одного таракана с трудом, но разбирали на составные части.

Да и что ещё было ожидать от новорожденных духов, они и так здорово старались, не щадя живота своего и нематериальной плоти своей. Но, как всегда, всему приходит конец. Так и к нам он заглянул на огонёк, этот самый конец. Когда мы добивали последнего таракана, из всех щелей стали появляться те, кто выжил, несмотря на лужи крови и разбросанные повсюду части тел. Все начали радоваться победе, поздравляя друг друга. Не, я в курсе, что лишь горечь поражения приходится черпать полной ложкой одному, а на

сладкий пирожок победы всегда найдётся десяток ротков. Но чтобы ещё не испечённому пирожку так радовались – я не видел.

Они, по моему, на радостях забыли, что, кроме арахнидов, есть ещё ушастые. А вот ушастые про нас не забыли, к сожалению. Не успели мы перевести дыхание, как от них пришёл посланец и принёс нам на всех один такой шикарный конец. Правильнее сказать, пришла песцова мама, а если ещё точнее – ТАРАКАНЬЯ матка. И так свистнула, что любой рак с горы удавится бы от зависти, а Соловей-разбойник повеситься бы на своём дубе.

От её свиста мы попадали на землю, закрывая руками уши, из которых пошла кровь. Эта тараканиха издавала свой свист на уровне ультразвука. На земле вместе с нами корчились от невыносимой боли и арахниды, да не только те, что были захвачены моими паразитами, но и парочка ещё чудом уцелевших неподконтрольных. Всем досталось по первое число. К счастью для нас и несчастью для свистящей матки, духи не совсем живые существа и ультразвук им был до лампочки. И мои мысленные мольбы о том, чтобы эта пытка звуком прекратилась, они восприняли буквально и поспешили попросить свистунью замолчать, раз и на веки вечные.

Когда духи начали атаковать тараканиху, та сразу забыла

про свой свист и попыталась уже упокоить моих духов. А вот тут её размер с сыграл с ней злую шутку: если её детки-тараканы после вылупления и взросления были ростом с хорошего коня, то мама была с доброго слона. Нет. Очень злого и пузатого слона. Так вот, как показала практика, таракан со слона уже сам по себе страшен, но против юрких духов не совсем то средство, что доктор прописал. Она не могла по ним ни попасть своими многочисленными ножками, ни схватить огромной пастью. Да и от последней они старались держаться на почтительном расстоянии, предпочитая атаковать с тыльной части организма.

Своими атаками мои духи не столько причиняли вред здоровью таракановой матери, сколько злили её. Своё недовольство она выражала периодическими попытками сбить их своей ультразвуковой волной. Что, впрочем, не приносило им никакого вреда, а вот возникшей паузой, что делала тараканиха, когда свистела, они пользовались на полную катушку, вгрызаясь в её брюшко. Точнее, делая попытки прокусить хитин.

Понимая, что если мои духи в конечном итоге и победят своего противника, то я этого уже не увижу, поскольку раньше моя черепная коробка лопнет, отдал единственный приказ. Всё, что я смог сформировать моим духам, это чтобы они вводили её. Те, в силу своих куцых умов и фантазии, восприняли приказ по своему. То есть, просто попытались

унести её. А вот арахнидша не растерялась, и быстро двоих духов пригвоздила своими лапами к земле, разрывая их прозрачные тела на неравные половины. Пришлось менять команду на понятную для них, простую до невозможности. Я отправил их на эльфов, в надежде, что они достаточно разозлили мамашу, и она устремится за ними.

– Подъём, бой ещё не окончился, – произнёс я, кривясь от боли, – нас ещё ждут ратные подвиги, да и не все ещё отгребли по сусалам. А если не поторопимся, то там будет проходить веселье без нашего участия.

– А нам зачем спешить? Пусть сами развлекаются. Судя по радостным крикам боли и магическим сполохам, там веселье набирает обороты, – размазывая кровь по лицу, ответил седой ветеран.

– А подумай своей седой головой, что будет, когда они упокоят химерову МАТЬ, – последнее слово я выплюнул, как грязное ругательство.

– Нам будет меньше работы, – раздался голос слева от меня.

– Ага, а теперь представь, какой силы будет маг или группа магов, что упокоит эту тварь? – вставая произнес ветеран.

– Что тут думать и рассуждать вождь сказал, войны сделали! – произнес моряк.

– А морская душа прав. А для тех, кто не понял, я поясню: духи шама худо-бедно, но ковыряли химеру. А вот про-

тив мага такой силы они явно не потянут, а мы без них так...
ходячие мишени для стрел.

– А так что им мешает наспиговать нас стрелами?

– То и мешает, что там кто-то большой и ужасно злой бунит. Так вот, наша задача убивать тех, кто убивает матку, но так, чтобы и самим не попасть под раздачу.

– Действительно, чего тут сложного. Я бы даже сказал, что это немыслимая глупость и невозможная вещь. Но я сегодня сам видел сколько невозможного, что одной невозможной вещью больше, одной меньше.

– А что, атака нашего моряка с голым пузом на лучших лучников, это как раз в нашем духе. Я в деле.

– И я в деле.

– Я с вами.

Глава 3. Атака голопузых Прода от 10.12

За стены вышли почти сотня пехоты и целый эскадрон на лихих скакунах. Ой, и не надо говорить, что арахнид ни разу не конь, а три всадника – не рота. Да если хотите знать, хороший таракан лучше коня. Ну и пусть хитиновый жёсткий гребень, так скажем, не совсем предназначен для езды. Нет, я не сел пятой точкой на шип, я стоял на коленях на спине, а хребтовые пластины арахнида находились между ног. Да, я понимаю, что получу сомнительное удовольствие, если сяду пятой точкой. Зато мы выигрываем в маневренности, скоро-

сти и ударной силе. Духи-паразит

ы не совсем ещё освоились в теле, и их движения были не на высоте, а пара человечков с копьями на спине химеры будут очень способствовать её выживаемости и нанесению урона живой силе противника.

Да и психологическая составляющая должна иметь место, и сказать своё страшное и громкое «Гав». А что должны подумать простые воины противника? Правильно, они должны решить, что страшный и могучий “Я” подчинил себе химер, плюс химерову матку, и натравил их на эльфов. А если они так подумают и увидят, что им отвешивают плюхи, как смертники, что должны были отдать своим богам свои жалкие душонки, так и сами химеры... Плюс непонятные хрени, что летают и пожирают обладателей длинных ушей... Ну, и в довесок сама Арахнидова МАМА... По мне, им в голову должна бы закрасться мысль, что срочно надо проверить ближайшей лес, на наличие оставленного дома включённого утюга.

Всё, как всегда, пошло по сложившейся традиции, а именно – не совсем, как задумывалось. Во-первых, нас встретили стрелами, заставив отступить пехоту обратно, а вот тараканью кавалерию такой мелочью не смогли остановить. А именно, я не смог сдержать и развернуть свой эскадрон, так скажем, контроль над этими существами у меня явно не прокачан.

Моя кавалерия устремилась к ближайшим эльфам, игнорируя мои приказы, под обстрелом лучников, а затем прямо на четырехметровую стену запрыгнули арахниды. При этом химеры растеряли последних своих всадников, тех, кого не выбили лучники. Я сам вылетел со спины таракана, и непонятно, каким чудом не слетел ещё и со стены кубарем – бруствера с зубцами со стороны двора не было, это и погубило эльфов.

На оборонительной куртине, среди лучников, арахниды показали себя во всей своей ужасающей красе и смертоносной мощи. На двухметровой стене они чувствовали себя отлично, рвали длинноухих своей немаленькой пастью, кололи их своими лапами или как там эти херни называются. От хитина, что покрывал химер полностью, стрелы отскакивали, лишь поцарапав, но что-то мне подсказывает – царапины на хитиновом покрове не наносят тварям даже слабого психологического урона.

Немногочисленные копья, что неизвестно каким ветром занесло на стену, не могли остановить арахнидов, да и обойти их никто не мог из-за узости боевого хода стены. А мечи... да какие к чёрту мечи, так, хорошо откормленные кинжалы, да и зачем они лучнику, чья сила в луке. Да и длинноухие из чистого гонора не пользуются ими, дескать, кто сможет добраться до самых метких лучников на всём конти-

ненте. За свой гонор они не раз огребали, но стоит отметить, что огребали намного реже, чем сами люлей раздавали всем “желающим”.

А вот их хваленая меткость ничем не могла им помочь, эльфы не могли даже глаза химерам выбить. Глазки у магических творений маленькие и глубоко посаженные, и таких бусинок будет по десятку с каждой стороны черепушки. Бой плавно перешёл в избиение длинноухих, мои арахниды прошли в разные стороны по крепостной стене и успешно занимались геноцидом по расовому признаку. Бывшие смертники также вскарабкались по наклонным контрфорсам куртины, помогая друг другу, и занялись добыванием тех, кого не добила арахниды.

А эльфы таки не зря слыли лучшими лучниками, кто-то из них всё же умудрился в меня всадить парочку стрел, пока я стоял и пытался управлять как химерами, так и духами. Я старался прятаться и не высовываться в полный рост из-за зубцов лишний раз, и всё равно какой-то длинноухий сукин сын сделал из меня подушечку для иголок. Да так метко и быстро, что я не успел сказать «А», как стал обладателем трёх стрел.

Сами стрелы в моём организме, ясное дело, меня не осчастливили, да и здоровья, понятно, не прибавили. Одно

радовало, если какая-то радость уместна в моём случае – что попали они в мягкие ткани. Причём ноге досталось сразу два подарочка, а руке – один. Дальше веселье шло без меня, я только постарался внушить своим созданиям, что тех, кто с голым торсом, обижать не стоит, ну, и напоследок предупредил своих. А затем преспокойно отключился, пусть развлекаются без меня.

Утро следующего дня

– Воды ледгару, – услышал я, открыв глаза.

– Если я вижу свет и он не в конце тоннеля, то мы победили. Я угадал?

– Ага, победили. Но победителей раз-два и обчёлся.

– Что, все пали смертью храбрых? – удивился я.

– Не, есть конечно те, кто пал смертью храбрых, как есть и те, кто сдох, как тварь дрожащая. Но большинство просто разбежались. Здесь все те, кто не сбежал, – ответил мой невидимый собеседник. Он находился вне моего обзора, а сил поднять голову не было.

– Я так понимаю, что основная масса тех, кто остался, просто не смогли уйти и лежат здесь? – уточнил я, краем глаза рассматривая ряды с ранеными.

– Я поражаюсь вашей прозорливости, но сейчас она дала осечку. Здесь треть из тех, кто остался, хотя ещё вчера вечером нас было большинство. Но костлявая ходит среди нас

и периодически помогает перейти из нашего грешного мира в лучший, иной. Вы, по-моему, так говорите, – усмехнулся мой невидимый собеседник.

– Вот что вы наделали? Зачем? Я спрашиваю, зачем? – стали раздаваться крики с нотками истерики от седого, но ещё довольно крепкого старика. – Из-за вас умер мой единственный сын. Если бы вы сидели тихо, нас бы не тронули, – начал причитать старик, балансируя на грани истерики.

– Я скажу лишь один раз, а услышишь ты или нет – это твои проблемы. Прежде, чем кого-то винить, подумай хоть немного... говорят, что полезно. Посмотри кругом, что ты видишь? – спросил я его. Мне было немного стыдно за все эти смерти.

– Раненых и мертвых! – ответил он с вызовом в голосе.

– А стены ты видишь? – дал я ему наводящий вопрос.

– Да! – коротко бросил он мне.

– А надписи на них видишь? – спросил я не обращая на его интонацию не малейшего внимания.

– Да, вижу, и что? – рывкнул он привставая.

– А ты посмотри внимательно на даты! А, ладно, объясню так, явно будет быстрее. Там стоят имена, а также даты рождения и смерти, почти у всех. А ещё там одна особенность: там нет дат смертей за следующий месяц, до него есть, после него есть, а именно в этот нет. Да, и ещё информация на подумать: в лагере нет никого, кто находился бы здесь около года, а лагерю, судя по надписям, уже шесть лет. Занятная

задача для ума, – произнёс я с усмешкой.

– Всё равно, если бы не ты, мы может быть выжили. Это ты виноват, – упрямо гнул старик.

– Ага, а ещё я виноват, что вы попали сюда. Это я пригнал вас.

– Я своего сынишку от вербовщиков полгода в подполе прятал, – надломленным голосом произнёс старик.

– А зачем от вербовщиков прятать, сказал своё отцовское: “Нет”, и ни один вербовщик не забрал бы твоё чадо.

– Это может у вас там так, а у нас пришли вербовщики, построили в ряд всех от шестнадцати зим и до двадцати пяти, отберут каждого десятого из самых крепких парней, и уведут их. За два десятка лет ещё ни один из тех, кого увели, не вернулся к родному очагу. А сосед за три золотых нас продал эльфийским вербовщикам. Они меня и его скрутили, и ещё десяток мужиков из нашей деревни сюда на погибель пригнали. Я чувствовал, я чувствовал, я хотел его спасти, от смерти спасти! – начал причитать дед, вытирая слёзы, что навернулись на глаза. – Из наших лишь я один, почему я? Почему я, а не мой сын. Я хотел его спасти, от смертушки уберечь... – и полились старческие слезы.

– Ты поплачь, дед. Легче станет, поверь, я твоё горе понимаю. Я из дому старшую дочку замуж выдавал в соседние селение, а мои дома остались. Эльфы набег устроили на мой родную деревню, всех сожгли, живьём сожгли, никого не пощадили. А он у тебя молодцом сражался, не как этот паску-

да, что под лавкой хотел отсидеться, – с последними словами раздался крик боли.

– Я ранен, я не мог сражаться, – раздался испуганный голос.

– Ушибленный палец за ранение не считается. Бегом за водой. А потом могилу рыть.

– Иду. Иду!

– Потерпи, ледгард. Сейчас целители освободятся и тобой займутся.

– А откуда целители взялись? – спросил я, стиснув зубы от боли в ноге.

– Так мы насилу их отбили, не дали их на куски разорвать. Сначала из пасти твоих химер их выковыривали, а потом от этих дебилоидов отбивали. Я так разумею, пусть сначала раненых на ноги поставят, а потом можно их и убивать.

– Логично, – согласился я с очевидной мыслью.

– Да! Там химеры проголодались, наверное, может им элфятинки дать? – произнёс седой ветеран, подходя на костыле с согнутой ногой.

– А если подумать? – произнёс я, отпивая из кувшина с водой, что он держал у моих губ.

– Твоя правда командир, не подумав ляпнул, – согласился он.

– Так давать или не давать? – поинтересовался кто-то от двери.

– Тебе же ясно сказали, что у нас уши не той длины, чтобы

разумными скотину кормить, что тут непонятного, – рявкнул ветеран.

– Так бы и сказали, зачем кричать, – раздался обиженный удаляющийся голос.

– Часовых выставили? – поинтересовался я, борясь с наливающимися свинцовой тяжестью веками.

– Стоят. Да и подготовка к походу идёт. Мы, чай, не идиоты, что разбежались, толком ничего не взяв.

Засыпая, я подумал – а о каком походе идёт речь? Они куда-то собрались? А почему я не в курсе, может мне к ним на хвост упасть? Всё же лучше чем одному. С этими мыслями я и уснул, не зная тогда, что это не я с ними, а они со мной собрались спастись.

Полночь лучшее время для торговли

– Как ты вселил своих нечестивых духов в тела творений Ночной Владычицы? – разбудил меня властный голос.

– А я думал, мы вас всех перебили, – произнёс я с удивлением, увидев перед собой эльфа.

– Мы не презренные дети леса, мы порождение темноты, – с усмешкой произнёс мой собеседник. – Второй и последний раз спрашиваю, как?

– А хрен его знает. А что, нельзя было?

– Ну, почему нельзя, Ночная Владычица не терпит сла-

бых, ей поклоняются лишь сильные и достойные. Мне интересно узнать, как?

– Если честно, то хрен его знает, я шаманил в бредовом состоянии, балансируя между жизнью и смертью. А зачем вы продали детям леса созданий Ночной Владычицы, – не смог я удержаться от вопроса.

– Здесь я задаю вопросы.

– Вопросы ты можешь задавать, но если хочешь услышать ответы, причём, правдивые ответы, то отвечай и на мои.

– Так я могу и по-другому спросить, – произнес эльф, достав нож.

– Меня пытками не удивишь, пытали, знаю. Да, больно... да, страшно, и? – блефанул я.

– Ты силён духом. Что ж, я принимаю твои условия, – с усмешкой произнёс эльф, убирая нож.

– Мы не продавали, – коротко ответил он. – Вы всех убили?

– Наскоко я знаю, нет, – так же коротко ответил я.

– Мы их забираем.

– Что взамен?

– Ваши жизни!

– Ну наши жизни – они наши и есть, и не принадлежат тебе, а раз они не твои, то и расплатиться ими ты не можешь.

– Ты не понял, я в обмен не убью вас! – с усмехнулся он.

– Всё я понял. Если бы у тебя хватило сил, ты бы не разговаривал со мной. Ты бы просто взял, – вернул я ему улыбку.

– Я одним движением могу оборвать твою жизнь! – произнес он, в мгновение ока оказавшись рядом со мной и прижав нож к горлу.

– Если ты не заметил, то я орк. Да и за последнее время я только и делаю, что балансирую между жизнью и смертью, – произнёс я, призывая духов.

– Но мой нож у твоего горла, и я могу в любой момент лишить тебя жизни, чтобы начать разговор с другим.

– Ты забыл, что я орочий шаман. А шаману не нужен нож, у тебя за спиной мои духи. Ты и твои люди готовы сражаться с моими духами?

– Убив тебя, я избавлюсь и от твоих духов.

– Или они от тебя.

– Что ты хочешь? – убирая нож, спросил он.

– А что ты можешь предложить? – задал я встречный вопрос.

– А что тебя интересует?

– Мировое господство есть в наличии?

– Смешно! – произнес он с серьезным лицом. – Ладно, плачу оптом полторы тысячи золотом. Но с условием: вы до утра в казарме посидите, а мы уж сами всё сделаем. Да, и я гарантирую, что ни один из детей ночи не откроет охоту на тебя и на твоих людей, но если кто-то через полчаса окажется за пределами этого помещения, он станет законной добычей, – произнес эльф после того, как к нему подплыла чёрная тень. Её я заметил лишь потому, что она проскользила

мимо пылающего факела.

– Ледгард, соглашайся! – прошептал ветеран – Эти еще те, как вы говорите, редиски, и к ним никогда не стоит поворачиваться спиной. Но слово своё держат.

– Согласен. Ещё один вопрос, и всё. А это то, что я подумал? – и махнул на тень.

– Я не знаю, что ты подумал. Но это тёмная магия, орк, да, и я его душу не поработил грубой силой. Он меня сам уговаривал, долго и искренне, чтобы я провёл обряд и сделал из него тень.

– Зуб даю, что он до того момента жил в пыточных у тебя, – не удержался от комментария ветеран.

– Да, ты прав, он гостил у меня почти два года, – рассмеялся эльф, показав свои заостренные зубы, сделал шаг назад и буквально растворился в темноте.

– Силён, раз выкидывает такие фокусы, – произнёс побледневший ветеран. – Так, ребятки, даже по нужде не выходим, кто здоровей – бегом всех своих загоняем внутрь.

– Не знаю, кто как, но я лучше обосрись, чем сегодня до рассвета высуну нос из казармы, – раздался шёпот сбоку от меня.

– А как он заплатит и когда? Да и как будем делить?

– Делить не “будем”, а “будет”, – одёрнул ветеран невидимого собеседника.

– Как это – будет? Мы все сражались, а деньги ему? Нет, я так не согласен, – упёрся довольно-таки крепкий детина.

– А так. Он поднял народ. Он, в отличие от тебя, под носом у длинноухих людей собрал и волшебство свою день за днём творил, да так тонко, что ни один из эльфийских магов ничего не почувствовал. И это его создания перебили большинство сволочей. А ты, что делал ты? – наехал на парня ветеран.

– Так и я не одну пару ушей вот этими ручками пообрывал. Я в курсе, благодаря кому ещё дышу на этом свете и поэтому без вопросов: четверть ему, как могу, и ещё четверть, как командиру, а остальное – на круг. Я лишнего же не прошу, долю лишь свою.

– А зачем сейчас делить, всё в казну, а вот когда выберемся, тогда и разделим, между теми, кто выживет. Если ещё выберемся... – возразил кто-то из раненых.

– Твоя правда, не хотелось бы ждать удара в спину из-за пары золотых. А кто будет за казну отвечать?

Дальше уже я слушал вполуха, глаза слипались. Раны сами по себе не сильно страшные, но из-за них я потерял много крови и был слаб, как младенец. А потому остатки магических сил направил на регенерацию тканей.

Когда собрались все, кто выжил, начались настоящие Содом и Гоморра. Были даже те, кто предлагал меня добить, дескать, с такими ранами, как у меня, не выживают, а мою скромную долю разделят на всех. Дискуссия пару раз переросла в драку. Но, как говорится, компромисса всегда мож-

но достичь, особенно, когда на одной из сторон в качестве веских доводов появились несколько полупрозрачных духов. Сей факт помог свернуть спор в конструктивное русло переговоров.

Народ заставил всех, кто успел заняться мародёркой, скинуть всё золото, серебро и даже медные монеты в центр барака. Денег набралось три приличные кучки. Самой большой грудой была серебряная, а вот золотая не сильно радовала глаза своими размерами, по сравнению с соседними. Здесь было всё, что нашли в карманах, и даже местная казна подверглась разграблению. После подсчёта и деления на доли, их распределили согласно решению здоровяка, то есть, половина всего мне, а остальное поровну между всеми.

Тем, кто пробовал ещё вякать о несправедливом распределении честно полученных трофеев, в качестве альтернативы предложили погулять на свежем воздухе. Снаружи периодически раздавались душераздирающие крики с мольбами, так что желающих выйти на прогулку не находилось. Я из природной скромности промолчал и не настаивал на других условиях распределения материальных благ.

Вырубился я ещё на моменте распределения добычи, что удалось захватить. Ночные эльфы также выполнили свои обещания, абсолютно все. Они нашли несколько схронов,

где прятался местный начальник с несколькими магами и высшими офицерами. Как проходил захват, я не знаю, но видел, как уводили пленных. Напоследок тёмные оставили трёх наших, прибитыми за уши к стене барака, хоть живых, и то ладно, а у их ног лежали бумаги, в гномий банк. Но по этим бумагам деньги получить мог только я, в связи с этим я взял их в счёт своей доли, отдав её в качестве откупа. Да и все, кто пошёл со мной, также отдали свои доли, поскольку по оценке бумаги всё покрывали. Но делали соратники это с таким видом, что те, кто решил попытать счастья своими группами, долго не решались взять деньги.

Путь-дорога

А вот утречком следующего дня мы уже решили покинуть столь гостеприимный кров. Выйдя за ворота, мы замерли в нерешительности: а куда нам идти? По дороге? Так сомнительная идея сама по себе, ибо на дороге нас скорей всего и встретят с распростёртыми объятиями. По чистому полю? Так здесь, даже нормальной травушки-муравушки нет, так что негде спрятаться. Ну и ещё немаловажный фактор – еда. Да, как оказалось, запасы еды почему-то за ночь испортились, и не надо гадать на кофейной гуще, кто нам подгадил.

По той же причине я запретил брать воду из колодца, хотя многие из тех, кто пошёл сам по себе, пили без видимых вы-

текающих последствий. Но что-то мне подсказывает, что если мы сразу не увидели, это не значит, что их не будет. Мне короткой нашей встречи хватило, чтобы понять – у тёмных своеобразное чувство юмора, и они запросто могут подсыпать слабительного, так, ради шутки. А от дизентерии умерло на так уж мало народа, и даже целые армии лишались доброй половины своих сил от банального поноса.

Оглядел свой отряд, что насчитывал ни много ни мало, а целых сто двадцать семь разумных, разной степени боевой готовности. Треть были ранены, да и остальные не все могли держать в руках оружие, но по другой причине

– не умели

– Так я не понял! – привстав на спине химеры, крикнул я на столпившихся людей у ворот. – Мы, мать вашу, легион или стадо?

– Разбились на десятки! – быстро сориентировавшись, ветеран стал раздавать приказы.

– Все, кто имеет боевой опыт и умеет держать строй, марш налево, а все остальные идут направо, раненые на месте остаются, – разделил я людей.

Получилось не так уж и смертельно: три десятка раненых разной степени покалеченности. Два десятка тех, кто не имел боевого опыта. С последними всё понятно – кто не

умел сражаться, те и погибли первыми, или сейчас удалялись в разных направлениях. Я своё воинство разделил на три части. В середине были те, кто не имел боевого опыта и раненые, а остальных я разбил на две равные части. Нашли и назначили полусотников, а вот они уже сами должны были определить десятников.

Хоть народ и роптал, не понимая, зачем мы здесь задерживаемся и, по их мнению, занимаемся ерундой, но я сразу поставил жёсткое условие: делаем, как сказал я, либо скатертью дорога. Когда собрался первый десяток, я их сразу отправил в передовой дозор. Ну и что, если впереди открытое поле и всё видно от горизонта и до горизонта. Также я сразу приказал, что один десяток должен будет отстать и идти за нами. Определил, так сказать, арьергард и авангард. И ещё отобрал двух человек, что, по их словам, уверенно чувствовали себя в седле.

Пока все остальные занимались формированием своих десятков и разбирались, кто в какой десяток пойдет, я проводил экспресс подготовку тараканьих всадников и обучение самих тараканов выполнять определенные команды. За короткий промежуток времени я научил их всего двум голосовым командам: это вперед – «Алга», и налево – «Сул». Для обозначения голосовых команд я взял татарские названия. А что, зря, что ли, у меня друг детства был татарин.

– А как нам быть, если мы нарвемся на эльфов? – почёсывая голову, произнёс новоявленный тараканий всадник.

– Как-как... кричишь «Сул», «Сул», а когда длинноухие окажутся за спиной, то ты сразу «Алга», – с улыбкой объяснил я одному из всадников, которых отправлял в дозор.

– А как останавливается? – с сомнением в голосе произнес второй.

– Тормоза нужны лишь трусам, а вы у меня былинные герои без страха и упрёка, вам нужна лишь одна команда “вперёд”, – подбодрил я их.

– А если, скажем, я упаду с него, то что?

– Да что ты как дитя малое, всё объясни да подскажи. Что тут сложного: будешь рядом бежать и кричать ему «Сул», «Сул», «Сул», пока не залезешь, делов-то.

– Я говорил, что у нас всё через задницу, – проворчал седой старик.

– Старый, что ты ворчишь? – одернул его толстяк.

– А что мне не ворчать. Когда я на них скакал в атаку, у нас не было команд, а им целых две и они, вон, недовольные ещё. Эх, если бы не нога, – недовольно пробурчал старик.

– Да не ворчи, там сильный вывих, ничего страшного, – успокоил толстяк.

– Ага, вывих. У всех боевые раны, а у меня вывих. Кому сказать, так засмеют. Я верхом на боевом монстре, в одной набедренной повязке, лечу в атаку на лучших лучников, что

стоят на крепостной стене, и что? Я спрашиваю, и что? Ты думаешь, я получил стрелу, или, может, мечём? Нет, я упал под градом стрел, добрался до стены, удержался, когда на неё карабкался, а это было, я тебе скажу, чертовски трудно, и кубарем слетел, когда до врага оставалось рукой подать.

– Не, а чем ты недоволен? Ты живой? Живой, – сам спросил и сам ответил толстяк. – Мало того, у тебя даже деньги завелись.

– Это ладно. Меня другое смущает: вот почему мы не по кустам да по буреломам собираемся выбираться, а вон, по дороге собрались себе топать, – не унимался старик.

– Седой, – окликнул я его. – А скажи, что вызовет подозрение: сотня человек, что ползет по кустам испуганно, или отряд, что уверенно идёт по дороге?

– А мы что, и через деревни так пойдём? – произнес он, с круглыми глазами от удивления.

– А что тебя смущает?

– Хотябы то, что мы вроде как в бегах, и нас будут ловить.

– Ну, ловить будут лишь тех, кто убегает. А мы спокойно-ненько будем маршировать по дороге.

– Так просто?

– А что не так? Зря, что ли, мы одели доспехи, и накидки с эмблемой длинноухих взяли с собой. Оденем, и потопаем себе спокойно в нужном нам направлении.

– Я говорю, что у нас всё через задницу, смертники убивают палачей. Беглецы собираются спокойно идти мимо тех,

кто их ловит.

– По мне, так отличная идея. А что, в таверне всяко лучше накормят, чем есть то, что мы в поле приготовим.

– А мы что, в тавернах будем питаться? Ты ещё скажи, что и в казармах ночевать.

– Не, чтобы там ночевать, надо бумаги иметь на руках. Да и хорошо бы хоть какими-нибудь документами обзавестись.

– Начальник, ты мне покажи, какие тебе бумаги надо, да дай пару яиц, и ещё так, по мелочи, и я тебе любую бумагу так откатаю, что лучше оригинала будет, – произнёс один из раненых.

– Осталось дело за малым: найти сами бумаги, да изъять их так, чтобы никто не заметил. Делов-то.

– Седой, не ворчи, наше дело – делать, что скажут, не больше и не меньше.

– Так тебя послушать, скажут сотней на тысячу переть, ты и пойдёшь?

– Мало того, уже и ходил, да не раз. Я рядом с ним уже давно, и после нашего разгрома эльфов громил, пленных отбивал и мост держали.

– А что вы тогда здесь делали?

– Так обороной не наш Ледгард командовал, а вот когда бразды правления попали к нему, мы элитные части под орех разделили и из павшей крепости их выбили.

– И что?

– А и всё, он тебе не бог, тоже иногда спотыкается. Но без

него я уже давным давно кормил бы червей, а так пока пыль дорог глотаю.

– Всё, народ, почесали языками и будет, выступаем в боевом порядке. Без моей команды не чихать и оружием не тряссти. Скажу строем идти, значит строем идём, и даже не косимся никуда. Всем всё ясно? – крикнул я что есть силы.

– Так точно!

– А раз всем ясно, то с богом, и помним: «Бог не выдаст, эльф не съест».

Глава 4. Тихой сапой

прода от 10.01. 2019.

За два дня, что мы шли по пыльной дороге, не встретили ни одной души. Сама дорога шла через поле, где не видно было ни одного деревца, ни одного кустика, а лишь сплошное зелёное поле, что вдалеке сливалось с небосводом. Среди этой бескрайней зелени не было ни единого ручейка или лужи, из которой мы могли бы утолить жажду, которая нас мучила неимоверно, так, что кое-кто начал роптать и клясть меня нехорошими словами, припоминая мне запрет на набор воды из колодца. Я, конечно, в лучших орочьих традициях пообещал десятникам выбить зубы в разговоре по душам. Напомнил, что в моём отряде за всё, что натворит кто-либо из десятка, отвечает весь десяток в компании с самим десятником. Как говорится, если плюнут на коллектив, то он

утрётся, а вот если коллектив плюнет, то можно и захлебнуться.

А вот во второй половине дня, ближе к вечеру, мы набрали на колодец. Самый настоящий колодец, знаете, такой... каменный... круглый. Так вот сам источник был всем хорош, кроме одной детальки – рядом не было ни верёвки, ни ведра, чтобы набрать воды. Да и сам колодец был с сюрпризом в виде каменной плиты на нём. Но если есть цель и желание до неё добраться, то будет и результат. Тут же десятка два человек попытались сдвинуть плиту с места и добраться до жидкой влаги. Но все их потуги разбились о вес заслонки.

– Не можешь пройти в дверь, ломай стену, – произнёс я, прячась в тени химеры.

– Первый десяток, ломаем кладку колодца, – начал командовать седой ветеран. – Все остальные отдыхают.

– Седой, наряд вне очереди! Ты забыл выставить охранение! – произнёс я из-под брюха химеры.

– Есть наряд вне очереди! Третий десяток! Разделиться на пары и разойтись на сто шагов в разные стороны. Я вместе с десятником осуществляю патрулирование, – недовольно произнёс седой ветеран, но подчинился.

Правильно, дисциплина превыше всего, да и не стоит расслабляться, чай, не на курорте. А вот с кладкой колодца мы

справились за какие-то четыре часа. Но и на этом сюрпризы не закончились: как оказалось, колодец был глубокий, но без ведра и верёвки. Вместо ведра мы приспособили шлем одного из бойцов, а на верёвки порвали одежду. Скажу по секрету, все пили из шлема и никто из нас даже мяукнул, что он невымытый и пахнет чьим-то потом. Всю ночь мы обливались водицей и поили химер, а с первыми лучами солнца, только собрались двигаться дальше, как примчались наши разведчики с хорошими вестями. Дескать, там, вдалеке, движется колонна пленных с охраной.

– Седой, командуй привал, – задумавшись, приказал я. – Пятый, шестой и седьмой десяток: вон там выкопать углубления такой глубины, чтобы были незаметны наши химеры, – стал я раздавать приказы.

– А чем копать и куда землю девать? – поинтересовался один из десятников.

– Хоть носом рой, но задачу выполни, – безапелляционно заявил я.

– А землю, что, на дорогу носить, чтобы незаметно было! – недовольно произнёс он.

– Хотя это идея, – произнёс я задумчиво. – Отставить там копать. Копайте здесь, и прямо здесь их прикопаем. Спрячем там, где никто не подумает.

– Может, попробуем скрыться? – спросил Седой.

– Не, следы разрушения колодца мы не спрячем. Да и к

тому же, мы не знаем, где находимся и куда идти. А так у них и спросим, заодно сделаем доброе дело: перебьём охрану, освободим пленных и пополним наши ряды.

– А что, отличная идея. Нападём, перебьём, присоединим и дальше пойдём, – проворчал один из раненых.

– Варчун, не ворчи. Да и куда нам деваться, – произнёс его новый приятель толстяк. – Раненых честь не позволит бросить, да и куда мы денемся, если кругом степь.

– Ну, шаман мог оседлать своих химер и скрыться в неведомой дали, прихватив своих дружков, – проворчал Ворчун.

– Мог, но он этого не сделает, и ты прекрасно об этом знаешь.

Если честно, я думаю, так и поступлю, если сильно прижмёт. Дальше я их разговор не слушал, ушёл контролировать и успокаивать химер, а то что-то разволновались.

Колонна с пленными подошла ближе к вечеру. Шли себе, никого не опасаясь, и, походу, даже не подозревая, что лагерь смерти уже, можно сказать, не существует. А сами бывшие смертники сидят у колодца и изображают солдат на привале. Я сам вместе с химерами лежал, закопанный в землю, а вокруг сидели мои бойцы, маскируя таким способом следы и небольшие отдушины, чтобы мы не задохнулись. Я думал, что химеры будут нервничать и их придётся успокаивать, ан нет, лежали себе спокойно и в ус не дули. А вот духи химер,

что сейчас прятались в колодце, недовольно себя вели и требовали крови, но пока повиновались, помня, кто их батя и мама. Я хоть и сами яйца не снёс, зато сидел над ними и изменил их суть.

– Идут, смотри-ка, черти ушастые, никого не боятся. Даже не выслали отряд узнать, кто мы такие и что тут делаем, – проворчал один из солдат.

– А кого им бояться? Может, тебя или меня? Если ты забыл, то нас, по их мнению, давно съели, переварили и нашими останками землю удобрили. Тише, к нам подходят! – услышал я предупреждение.

– Что вы здесь делаете и где ваши командиры? – раздался чей-то властный голос.

Дальше пошло старательное вешание лапши на длинные эльфийские уши. Суть вранья сводилась к тому, что смертники подняли восстание и перебили всех охранников. А наш отряд встретил их в поле и разбил наголову, понеся незначительные потери. Ну, и основные силы сейчас преследуют разбитого противника, а они остались здесь охранять колодец и присматривать за ранеными.

– Что за чушь ты несёшь? – раздражённо прервал недовольный голос. – Как смертники могли перебить охрану?

– А вот так! – услышал я восклицание нашего рассказчи-

ка и в следующий миг раздался предсмертный хрип. – Бей! Круши! – стали раздаваться крики.

Ну, раз пошла такая пьянка, то пора и мне присоединиться к общему веселью. И я выскочил из-под земли, как разъярённый демон мщения с боевым криком: «Бей! Круши! Рви! Убивай!». А вокруг меня уже шло веселье полным ходом, мои бойцы сошлись с превосходящим по численности противником. Что быстро пришёл в себя после первых мгновений замешательства. Хотя за эти первые мгновения они заплатили немалую цену, судя по количеству убитых.

Наш бой быстро перерос в избиение, где не было места состраданию. Если охрана ещё могла дать достойный отпор моим бойцам, то против духов и химер они ничего не могли противопоставить. Да и некому было командовать, офицеров перебили сразу. Они заплатили за беспечность высшую цену: свои жизни. А вот зачем они всем составом подошли к незнакомым солдатам? Вот их и зарезали в первые мгновения боя. А я гордо стоял на крышке колодца и командовал боем. Ну, как командовал – направлял своих химер на отряды охраны, что спешили к месту основного веселья. Да следил за духами, что связали двух магов боем и медленно, но верно сейчас продавливают их кокон защиты, которым они прикрылись.

Мою скромную персону прикрывало пятеро бойцов. Они своими щитами периодически перекрывали мне весь обзор, но я не особо ворчал, особенно, когда эти щиты поймали десяток стрел. Сам бой продлился не больше получаса, как раз столько времени понадобилось духам на вскрытие защиты магов и их поглощение. А вот когда духи набросились на солдат, те дрогнули и побежали. Химеры, духи и бывшие смертники азартно преследовали разбегающихся охранников, и били их в спину.

– Раненых добить! – отдал безжалостный приказ я. – Пленных освободить, разбить на десятки и построить!

– Всех? – слегка опешив от такого приказа, спросил Седой.

– Седой, мы своих не бросаем и не добиваем, – произнёс я так, чтобы слышал лишь он, и громко добавил – Всех!

– Что стоим, кого ждём! – накинулся он на тех немногих, кто остался. – Наших к колодцу, чужих к праотцам. Да и этих подключайте.

– А что с нами будет? – раздался робкий выкрик из толпы прикованных пленных.

– Умрёте, – подбодрил их Седой. – Хотя, у вас сегодня счастливый день и вы можете решить, когда и как вы будете умирать. Одни могут пойти с нами и умереть, сражаясь за империю, другие могут искать своей смерти сами.

– Что, правда отпустите? – с сомнением спросил один из

пленников в имперской форме.

– Слово даю, – с улыбкой произнёс Седой. – Так что ты решил?

– Я, пожалуй, своей дорогой пойду, – слегка дрогнувшим голосом произнёс солдат.

– Смотри, это твой выбор. А ты? – обратился он к его соседу.

– Я с вами, – робко ответил совсем молодой пацан.

– Этого расковать и дать воды! – приказал Седой трём бойцам, что нашли кузнечный инструмент.

– А как же я? – встrepенулся первый пленник.

– А ты сам по себе. Не бойсь, мы не звери, мы оставим инструмент. Но раз вы сами, то сами будете и освобождаться, и всё остальное тоже сами.

– Это жестоко, – раздался выкрик из толпы

– Не мы такие жестокие, а жизнь такая жестокая штука, – с улыбкой произнёс Седой мою фразу.

Из трёх сотен пленных с нами решили пойти всего сотня. Остальные разбились на группы и пошли искать удачу сами. Небольшой обоз с провиантом я не дал разграбить и накормил лишь тех, кто решил остаться с нами. Так же я поступил и с оружием. С таким раскладом не согласилось большинство и, понадеявшись на свое численное преимущество, потребовали долю. Офицера, что поднял эту бучу и верховодил, а также его группу поддержки я без слов скормил ду-

хам, после чего послал всех остальных в долгое пешее путешествие.

– Не сильно жестко? – спросил Седой, наблюдая, как духи и химеры разрывали людей.

– Не, в самый раз! Я ни с кем миндальничать не собираюсь, они налегке пойдут, а нам и раненых вынести надо, и свои задницы заодно. Слышь, по-моему, я забыл одну вещь?

– Какую, командир? – спросил Седой.

Пленных мы не брали, а из тех, кого освободили, никто дороги толком не помнил, им не до того было, дескать. Да, хреновый из меня командир, засаду организовал из рук вон плохо, о дороге ничего не разузнал, всё на авось делаю. Ладно, раз много делаю ошибок, то надо сделать так, чтобы враг не успевал ими воспользоваться, так что вперёд и с музыкой, а отдыхать будем потом. И погнал я подчинённых мне людей вперёд, не дожидаясь, пока вернутся все, кто бросился преследовать бежавшего противника.

К деревушке на краю леса мы вышли на третий день после битвы у колодца. Сама по себе деревня была из разряда “три двора на два плетня”. Но в этих трёх дворах квартировал десяток солдат, которых мы оперативно отправили на тот свет, без суда и следствия. Хотя на этот раз не забыли допросить. Мы с ними поступили ещё по-божески, просто

перерезав им глотки. А вот они с десятком беглецов, что бежали и каким-то чудом добрались до деревни, не церемонились и рассадили по кольям. Несчастных мы добились, чтобы не мучились.

А вот деревенских я не позволил грабить и убивать, я у местного старосты с доброжелательной улыбкой купил зерно и три лошадки с подводами, из тех шести, что у них были. Моя улыбка помогла мне торговаться и получить хорошую скидку. Так что трофейных денег, что нашлись у солдат, квартировавших здесь, хватило с лихвой на покупку скотины и провианта. Не, мы последнее не выгребали из закромов, а взяли лишь половину, и в тот же день скрылись в листве ближайшего леса.

А вот дальше мы по дороге двигались в полной боевой готовности. Знаете, а мой план внаглую идти по дороге сработал. Мимо нас прошёл не один десяток патрульных, и никто даже бумаги не спросил, лишь косо смотрели на носилки с ранеными, но лишних вопросов не задавали. А мы шли, шли и снова шли, делая лишь короткие привалы и периодически прикапывали в местном лесочке тех, кто скончался от ран. На этот раз мы шли не наугад, почти не наугад. В тавернах и деревнях мы узнавали последние новости и какие поселения у нас впереди.

А новости были. Восстание местные власти скрыли и замаскировали его под беспредел бандитов. Саму банду уже нейтрализовали и часть бандитов повесили, а часть увезли в неизвестном направлении. А из приятных новостей появилось, что дети леса с детьми ночной владычицы начали войну. И последние захватили крепость, что контролировала выход из подземелья, а лесные жители изо всех сил пытаются вернуть потерю и сейчас проводят очередную мобилизацию местного населения. Ещё они ведут переговоры о прекращении боевых действий с империей. Но император почему-то не торопится подписывать мир, а хочет реванша и заодно вернуть потерянные территории, причём за все время “общения” с соседями.

Вот зря я расслабился и поверил, что удача нам улыбнулась. Всё началось на третьей неделе пути, когда один из десятков в полном составе исчез. Эти долбодятлы сбежали и напали на какого-то купшичку, рассчитывая осесть с деньгами в ближайшем городке. Идиоты, они даже не подумали, что здесь никто не имеет права без разрешения покидать место своей прописки, точнее сказать, переписи. Это наш отряд, по поддельным документам сопровождал повозки с химерами из пункта А в пункт Б. И то сия филькина грамота срабатывала лишь на мелких патрульных, а города мы обходили стороной. Да пункты А и Б периодически менялись, по мере надобности.

Так вот, эти долбодятлы даже не смогли осуществить первую часть своего плана. Не, они нашли купчишку, и даже успешно перебили немногочисленную охрану. Но вот сам купец почему-то не стал ждать, когда его лишат жизни, просто-напросто посадил свою толстую задницу на коня и сбежал. Десяток долбодятлов понял, что резко запахло жареным, и не придумали ничего лучше, чем вернуться и покаяться в своих грехах.

– На голосовании стоит вопрос, что будем делать с ними? – спросил я десятников на экстренном совещании. – Что молчим? Или вы думаете, я буду в одну харю выносить смертный приговор?

– А почему сразу смертный приговор? – недовольно произнёс один из десятников.

– Может ты и забыл, где мы находимся, а я вот нет. И я не сомневаюсь, что сейчас длинноухие будут землю носами рыть, и искать группу людей в форме эльфийской армии.

– Тысяча морский чертей, – воскликнул единственный моряк в наших рядах. – Да их надо всех живьём закопать или за ноги на реях развесить на собственных кишках.

– Да, но они покаяться и раскаялись! – не сдавался десятник, что стал выступать на стороне проштрафившихся.

– Есть устав и неписанные правила: тех, кто бросил товарищей в беде – вешать! – угрюмо произнёс Седой. – Повесить

на глазах у всех и зачитать, за что и почему.

– Никогда не думал, что буду принимать такие решения...
но да, повесить.

– Наказать их надо, но не столь же сурово. Я предлага....

– Смерть, – перебил его другой десятник.

– Так, подведём итоги: почти все за смертный приговор через повешение, лишь двое за помилование, – дождавшись, пока все выскажутся, произнёс я.

– Но я и ещё трое промолчали, – недовольно произнёс один из десятников.

– Молчание есть знак согласия, все, кто был против, так и сказали. Да, и мой вам совет: ещё раз промолчите, будем искать тех, кто имеет собственное мнение. НО, – я сделал небольшую паузу и поднял палец вверх, – не в бою.

– А теперь пошли исполнять приговор, – произнёс я, вставая.

– В смысле, исполнять?

– В самом прямом. Мы вынесли смертный приговор, мы и должны его исполнить.

– Мы и вы?

– Да я и вы, – недовольно проворчал я.

– Я дико извиняюсь, а на чем вы будете вешать? – поинтересовался наш интендант.

– На ветках, – недовольно буркнул Седой.

– Я дико извиняюсь, а шею к ветке вы чем будете при-

вязывать, – с ехидством произнёс заведующий имуществом отряда.

– Веревкой, чем ещё, – нетерпеливо произнес другой десятник.

– А где вы собрались брать столько веревок? У нас в обозе я соберу для двух, ну, максимум для четырёх.

– А нельзя было сразу сказать? – пробурчал Седой.

– Так, я таки сразу и говорю, – не моргнув глазом ответил интендант.

– Что будем делать?

– Я сразу предложил: вскрыть им животы. За подставу только так, и никак иначе. А они нас подставили, и хватит рассусоливать, надо когти рвать, – произнёс бывший сиделец, что периодически делал нам поддельные документы.

– Кинжал им в печёнку, и всего делов.

Вынесение смертного приговора и его исполнение долго не затянулись, под хмурыми взглядами воинов мы долбодятлов отправили к предкам. А затем прикопали тела в лесу. Грязная работа, но её надо было сделать, и я не просто так на глазах у всех заставил десятников взять на себя роль палачей. А затем, чтобы каждый из нас понимал, что и ошибки других ложатся на наши плечи. Когда закапывали в лесу долбодятлов, я честно всех предупредил, что нас ждут тяжёлые времена и огласил речь, поставив их перед выбором.

– Я ставлю всех вас перед выбором: те, кто пойдут со мной, должны подчиняться приказам, безоговорочно. За непослушание одного бойца отвечает десяток, за десяток полсотня, а за полсотню все! Те, кто пойдёт со мной, должны это понять и принять. Жёсткой диктатуры не будет, но и анархии я не допущу. Если я в чём-то неправ, и вы знаете, в чём именно, то смело можно сказать мне в глаза, но не в бою. А идеально: вы говорите вашему десятнику, и уже он – мне. Сейчас не время для дискуссий, – остановил я поток слов, – из-за этих долбодятлов у нас просто-напросто нет времени. Те, кто идут со мной сейчас: бегом строимся и алга. А те, кто сомневается, лучше оставайтесь, и пусть вам улыбнутся ваши боги, – после этих слов я пошёл выпускать химер из клеток, в которых они путешествовали.

Шервудский лес, но с
эльфийским уклоном

Провиант из обоза я решил брать весь. Забрал всех скакунов и приказал их навьючить мешками с провиантом, ещё часть мешков мы бросили на химер. Хотя те и недовольно шипели, но кто бы их ещё спрашивал о их желаниях. Затем быстрым маршем двинулись дальше по дороге. Пройдя с полкилометра, я приказал сворачивать в лес, а вот в лесу мы уже осторожно, стараясь меньше следить, пошли в обратную сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.